

УДК 796.81(5-012)

Р.В. Гвоздев

Образ зверя в воинских искусствах народов Восточной Азии

Animal image in military arts of East Asia`s tribes

В статье рассматривается влияние образа животного как покровителя воина и охотника на физический и психологический аспекты воинской подготовки. Изучение данной проблемы позволяет автору выявить сходные элементы в боевых искусствах народов Восточной Азии.

Ключевые слова: *воинские искусства, Восточная Азия, образ, ритуал, традиционная культура.*

In the article influence of animal image as protector of warrior and hunter on physical and psychological aspects of warrior training is considered. The similar elements in military arts of East Asia`s tribes are revealed.

Key words: *military arts, East Asia, an image, the ritual, traditional culture.*

Исторически интерес человека к поведению животного был естественным. Если рассматривать сферу единоборств, то, прежде всего, людей интересовало поведение животного в схватке, в которой один обязательно был охотником, а другой жертвой. Умение нападать и защищаться, выслеживать и маскироваться было, прежде всего, вопросом жизни и смерти не только для животного, но и для человека. Подражание повадкам животного условно можно разделить на две составляющие. Первая повторяет внешние формы, такие как манера передвижения, поведение в схватке. Вторая перенимает боевой дух животного, его бескомпромиссность и решительность в экстремальной ситуации. Воин перед сражением мог, как бы воплотиться в зверя. Именно с перевоплощением связан обычай одевать звериную шкуру. Сравнение охотника или воина с хищником имеет очень древние корни и находит своё отра-

жение в фольклоре.

Позднее китайские мастера боевых искусств разработали так называемые звериные стили ушу. Но корни этих стилей уходят в глубокую древность. Они вышли из ритуальных танцев, посвящённых тотемным животным.

У народов Сибири и российского Дальнего Востока можно проследить влияние образа зверя на воспитание воина по трём видам источников. Это игры, ритуальные танцы и фольклор. Игра с детства сопутствовала воспитанию человека. Понятия война и охота были тесно взаимосвязаны. Поэтому для того, чтобы стать воином, достаточно было получить охотничьи навыки. Вообще роль игры в жизни наших коренных народов трудно переоценить. Даже у взрослых при проведении реального поединка использовалась игровая терминология. При выяснении способа проведения спрашивали: "В какую игру станем играть?" Одной из самых популярных игр была, конечно же, игра "в охоту" [4, с. 254]. Например, удэгейцы играя в медвежью охоту, получали практические навыки владения копьём и рогатиной. Мальчик, исполняющий роль медведя выбирался из числа наиболее крепких. Он надевал медвежью шкуру и копировал своим поведением повадки животного. Иллюстрирующие охотников мальчики вначале будили и вызывали "зверя" из берлоги, затем кололи его копьём. В их задачу входило прижать "медведя" копьями к земле. Переодетый в медведя мальчик старался поломать копьё и повалить охотников. Также проводились игры в охоту на кабана. Полученные таким образом навыки закреплялись во время совместных учебных поединков. Для защиты от укусов копьё применялись травяные панцири [4 с. 255].

Хорошим примером включения зверя в воспитание охотника воина может служить медвежий праздник. Праздник начинался с медвежьих игр, во время которых медведя водили по улице и смельчаки упражнялись в искусстве борьбы со зверем. Каждый из участников старался проявить как можно большую ловкость в этом состязании. Вот как описывает единоборство с медведем Шренк Л.И.: "...воспользовавшись минутой, когда страшный зверь поднялся на задние ноги, один гилык бросается к нему спереди и изо всех сил стискивает шею руками. В тот же самый момент другой связывает морду. Одновременно кидаются на зверя сзади, опутывают ему петлями задние ноги, оттягивают их назад и крепко держат, прижимая к земле... Благодаря такому быстрому и единодушному образу действий медведь в мгновение ока оказывается совершенно обезоруженным... Окончив всё это, гилыки разом отскакивают от медведя и в один миг распускают все узлы и петли, которыми они с таким искусством опутали его лапы и морду" [9, с. 71]. У арктических охотников на морского зверя существовала игра "Уккаль" – соревнование в бросании гарпуна. Проводилась она на "Празднике Благодарения Кита". Целью для метания служил череп гренландского кита или чучело нерпы. Если гарпун не втыкался, а падал плашмя, бросок не считывался. Сделавший неудачный бросок выбывал из дальнейшего соревнования [9, с. 44]. В целом, подвижные игры имели практическую направленность, так как из юноши, прежде всего, должен был получиться хороший охотник. У эскимосов молодой человек не мог жениться до тех пор, пока не стал настоящим охотником.

В фольклорных сюжетах содержится информация о родстве людей и животных. Тотемное животное, например медведь или тигр считалось покровителем рода. В случае, когда зверь убивал человека, ему мстили по обычаям кровной мести [2, с. 158]. Указывается, что в трудной ситуации зверь приходит на помощь человеку. У нивхов медведь спасает от голодной смерти заблудившегося охотника. Человек, в свою очередь,

помогает освободиться попавшему в западню тигру. Отношение охотника к зверю преисполнено уважением. Зверь считается равным. Например, нивхи даже называли медведей "горными людьми". А в мифах тунгусо-маньчжуров брак мужчины и животного приносит промысловую удачу [8, с 179]. Животное не убивали без причины, а, убив, просили прощения, дабы его душа не мстила охотнику. В фольклоре встречаются описания воспитания человека животным. Как правило, это животное являлось тотемным покровителем. В одном эскимосском предании волк научил мальчика быть сильным и ловким. Обучение продолжалось до тех пор, пока сам волк не смог одолеть своего ученика: "Тут появился огромный волк. Каксагсюк очень испугался и пустился было бежать, но зверь быстро догнал его и, обвив хвостом, швырнул на землю... Тогда волк сказал: "Если ты хочешь быть сильным и отважным, ты должен каждый день приходиться ко мне"... С каждым днем мальчик чувствовал, что становится сильнее и сильнее, и по дороге домой он сшибал ногами уже целые валуны и, катаясь по земле, жонглировал тяжелыми камнями. Наконец, однажды волк не смог свалить Каксагсюка с ног, и тогда он сказал "Ладно, достаточно. Ни один человек не сможет теперь тебя победить" [4, с. 242]. С этим воспитанием связано и перевоплощение человека в зверя. Воин в момент схватки принимал звериное обличие, то есть ощущал себя зверем, входя в своего рода транс. У него исчезали барьеры в виде страха или физической усталости. Современные сравнительные выражения, такие как "львиная храбрость" или "медвежья сила", возможно, пришли к нам из тех времён, когда человек действительно обладал возможностями внутреннего перевоплощения [3, с. 114].

В ритуальных танцах также сохранились некоторые элементы подражания животным. Танцы тесно связаны с промысловыми культурами. В праздничных танцах также присутствует элемент перевоплощения. О влиянии образа животного в воспитании воина можно судить не только по играм или элементам фольклора. У народов Сибири сохранились некоторые системы боевой подготовки, связанные с животными. В первую очередь это национальные виды борьбы. Победителю соревнований в тувинском "хуреше" присваивали следующие титулы: "шонор" – сокол, "харциг" – ястреб, "бургат" – орёл. Нам известен богатырский танец орла, исполняемый борцами. Он выполняется дважды. Перед началом соревнований его танцуют все борцы, а в конце победитель.

На схватку борцов выводят секунданты ("моге салыкчызы"; или "моге салыкчылары"). Борцы одетые в специальную одежду "шодак" (содак). Это короткая куртка, которая закрывает руки, плечи и верхнюю часть спины; трусы, затянутые поверху ремнями, и мягкие сапоги. Перед началом схватки борцы исполняют своеобразный танец "деви́г", после чего демонстрируют публике разнообразные броски через бедро, подсечки, подножки, броски с захватом ног руками и другие эффектные приемы. Для победы необходимо заставить соперника коснуться земли любой частью тела, кроме одного колена. Победитель обязательно помогает побежденному подняться с земли и проводит по его спине правой рукой, как бы стряхивая с него пыль. Затем он опять исполняет "деви́г".

О "деви́г" следует сказать несколько подробнее, в "хуреш" он считается не только видом разминки, но и хорошим средством психофизической тренировки. Тувинские педагоги считают, что танец "деви́г" каждый тувинский мальчик должен осваивать с малых лет:

"Во время деви́га руки должны быть выше плеч. Борец должен руками подражать маховым движениям орла, бегом изображает отрыв орла от земли, при этом показывает, как он расправляет крылья – величаво "парит крыльями", демонстрирует красоту богатырского телосложения, доброту своего характера, уважение к сопернику, к зрителям. После

окончания танца три раза хлопает по бедрам (два раза с внутренней и один раз с внешней стороны бедра) – это означает, что мужчину ждет три состязания – по борьбе, стрельбе и скачкам. Это и есть первая часть ритуального танца, его исполняют все борцы в начале состязаний.

Вторую часть танца исполняют только двое борцов, которые будут бороться, но здесь они хлопают два раза (по внутренней и внешней стороне бедра), что означает: "мы вдвоем будем бороться на совесть, без хитрости и подлости". Выпрямившись, как орел, расправив крылья-руки, изображая взлет птицы от земли, каждый борец, танцуя, подходит к секунданту. Правую руку кладет на плечо секунданта, пританцовывая, делает три небольших, мягких плавных шага вокруг своей оси по заходу солнца, а левой рукой приветствует зрителей. Потом происходит смена положения рук, делает те же танцевальные движения в другую сторону – снова приветствует зрителей. После этого обе руки, складывая ладонями вниз, кладет на плечо секунданта.

Третья часть ритуального танца. После команды "Ее-ве!" танцуют "деви́г" метров 10-15, затем поворачиваются вокруг своей оси на 360 градусов; делая три шага, описанные выше, два раза хлопают по внутренней и внешней стороне бедра с мыслями: "давай бороться честно и начистоту". Поздоровавшись рукопожатием, каждый борец отступает на два шага назад, а затем правой ногой делает шаг вперед выпадом, правым локтем опираясь на бедро, принимает твердое опорное положение. Это означает, что он готов к схватке. Только после этого жеста и начинается борьба "хуреш", так как раньше не применялись специальные сигналы для начала борьбы. [7, с. 24].

У кочевых народов Сибири существовал культ коня. В жизни ряда народов Южной Сибири (бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов и некоторых других) большое значение имела лошадь. Там существовал даже своеобразный культ боевого коня, о чем свидетельствует их эпос. В фольклорных текстах постоянно говорится о неразделимости судьбы богатыря и его коня. Так, у алтайцев существует поверье, согласно которому боевой конь должен пасть в битве, а не позорно умереть от старости или в плену.

Искусство подготовки боевого коня и искусство верховой езды в бою еще сравнительно недавно являлось важнейшей частью традиционной культуры упомянутых народов. Хорошо подготовленный конь умел в бою в нужный момент заслонить хозяина от стрел, быстро лечь на бок, встать на дыбы и лягать вражеского коня вместе с его седоком. Если не хватало пищи, воин рассекал вену своей лошади и пил сырую кровь, чтобы утолить голод и жажду, а затем перевязывал рану жильной ниткой.

У народов-всадников лошадь была не просто средством передвижения, а как бы частью воина. Поэтому народная мудрость гласила, что "всадник и конь должны слиться воедино". Соответственно, среди этих народов как в Сибири, так и в сопредельной Монголии, существовали системы воинской подготовки, которые объединяли в одно целое приемы верховой езды (джигитовки), бой голыми руками и владение холодным оружием, в том числе такими неперемненными атрибутами всадников как кнут и аркан. Среди бурятских родовых групп хонгодоров и булагатов такая система известна под названием "Хара Моритон" ("Черные Всадники") По легендам это боевое искусство восходит к божественным героям – Ажирей Бухэ и Харам цагай-мэргэну, которые привели свои конные дружины из Монголии в Прибайкалье, где защищали местное население от враждебных соседей. Система "Чёрные всадники" была основана на имитации движения лошади. Удары ногами производились наподобие брыкания назад, вбок или в прыжке с опорой на руки. Защитные блоки напоминали движение передними копытами [4, с. 294].

По словам человека, прошедшего обучение по системе "Хара моритон", тренирующиеся целыми днями носились по сопкам подражая коням, и должны были уметь выдерживать удары кнутом. В систему психофизической подготовки входило единоборство с боевым конём, причём, изначально приёмы оттачивались на жеребёнке и лишь по мере совершенствования переходили к тренировке с взрослой лошастью. Один раз в пять лет проводился экзамен, на котором проверялось умение всадника "слиться" со своим конём. Оценивалось не только качество джигитовки всадника и владение оружием. Лошадь должна была уметь заслонять всадника от пешего и конного врага, отражать копытами нападение, а также, помогать раненому всаднику взобраться на неё [4, с. 295]. Кроме системы "Чёрных всадников" сейчас существуют различные конные состязания признанные национальными видами спорта.

Интересно, что, как и в китайском искусстве единоборства, многие приемы и движения в традиционной бурятской системе "Черные Всадники" были построены на имитации движений различных животных, главным образом – лошади.

Конь – постоянный спутник и соратник кочевника в воинском деле, играл важную роль и в процессе психофизической подготовки "Черных Всадников", одним из составных элементов которой было единоборство с боевым конем, причем приемы единоборства отрабатывались сначала на жеребенке, потом тренирующийся мог постепенно совершенствовать свое искусство, наращивая нагрузки". В "Хара Моритон" существовал специальный экзамен для проверки умения всадника "сливаться со своим конем". В программу этого экзамена, который устраивался один раз в пять лет, входило то, что определяет само понятие "боевого коня". Демонстрировалось умение коня закрывать всадника от конного и пешего "врага", отражать нападение ударами копыт, умение коня помочь раненому хозяину взобраться на него. Всадник демонстрировал различные приемы "джигитовки" с оружием и без него, и многие другие умения, важные в стародавние времена, но ныне забытые.

Ещё одним навыком охотника, находившим применение в схватке было искусство метания мавута. Пользоваться арканом детей учили с самого раннего возраста. Начинали с небольшого арканчика, длина которого постепенно увеличивалась по мере роста ребенка. Вначале его бросали на неподвижную цель: воткнутые в землю рога или чурку, на лежащую на земле палку. Например, в чукотской игре "элю-лы-читылыт" ("поймать деревянную чурку") один из игроков бросает на плотный снег деревяшку или кусочек оленьего рога величиной не более пальца, а другой своим арканом пытается поднять эту чурку со снега. В другой чукотской игре "вопканелёчеты-лыт" ("поймать арканом лося"), игроки пытаются заарканить закрепленный на палке и раскачиваемый предмет.

Выработав определенные навыки, дети переходили к живым мишеням – набрасывали аркан на собак или молодых оленей. До наших дней сохранилось большое количество игр, в которых роль животных исполняют сами дети, тем самым одновременно обучаясь накидывать аркан и уворачиваться от него. У долган, ненцев и чукчей есть такая игра, в которой один из участников бежит с оленьими рогами в руках, а группа других, бросая свои арканы, пытается эти рога добыть. Еще в одной игре один из участников постоянно передвигается с места на место, а другие пытаются его заарканить. В играх чукчей и коряков иногда участвуют две пары, в каждой из которых один является "оленем", а другой "всадником". Одна пара преследует другую, при этом "всадники" поочередно пытаются заарканить друг друга. В ряде игр аркан бросают на землю, пытаясь поймать непрерывно передвигающегося игрока за ногу [2, с. 265].

Китайские единоборства известны своими подражательными стилями. Эти, пожалуй, наиболее зрелищные виды ушу объединены в одно большое направление "сяньсинцюань" – "Кулак образа и формы". Сейчас существует огромное количество звериных стилей, которые с трудом поддаются классификации. Большую часть их составляют стили, подражающие хищным животным: тигру, леопарду, змее, орлу, богомолу и другим. Другая часть взяла в качестве примера вполне мирных представителей животного мира: обезьяну, журавля, собаку. Кроме этого существует стиль дракона – мифического животного. Подражание животным имеет очень древние корни. Истоком этих стилей служит тотемизм. Некоторые стили ушу так никогда и не стали боевыми, да они и не претендовали на этот статус. К ним относятся "Кулак формы утки" ("ясинцюань") или "Кулак коровы" ("нюцюань") и многие другие. Древняя магия и ритуальные танцы донесли до нас традицию. Но этот процесс не был прямолинейным. Начиная с XVIII века, некоторые танцы, посвящённые животным, становились единоборствами, теряя свою связь с культовыми обрядами тотемизма. С другой стороны часть боевых систем настолько сильно сливалась с народными праздниками, что переставала считаться боевой. В качестве примера стиля, находящегося на грани между боевым искусством и народным танцем можно привести "Кулак льва" ("шицюань"). Два человека облачённые в одежду и маску льва исполняли традиционный танец, в котором присутствовали многочисленные удары ногами и различные акробатические трюки. В конечном счёте, танец сводился к сцене, называемой "лев играет с жемчужиной". В схватку за жемчужину вступали несколько "львов" [6, с. 46]. Здесь уже танцы заканчивались и требовались боевые навыки. Таким образом, интерес мастеров единоборств к поведению животных был связан с традицией. Следует упомянуть животных, появление которых в стилях ушу связано с буддизмом. Такие животные как бык, тигр, конь, крокодил, черепаха, змея и орёл являлись воплощением буддийских божеств и их постоянных спутников. С даосизмом связывают таких животных как белый тигр и зелёный дракон [5, с. 78]. Даосизм, сыгравший большую роль в развитии ушу, связывает образ животного с понятием "естественности" ("цзыжань"). Таким образом, следование формам животного можно рассматривать как следование естественности. Китайский медик Хуа То, создатель самого известного подражательного комплекса "Игры пяти животных" ("уцинъси") был последователем даосизма. Этот комплекс был создан на основе гимнастических и дыхательных упражнений даосов и направлен на растягивание и скручивание тела [5, с. 60].

Главной целью при создании того или иного стиля в ушу служило не простое копирование повадок животных, а особенности функционирования в них энергии "ци". В роли критерия для подражания выступало основное качество, присущее животному. Так, тигр ходит мягко, а бьёт лапой жёстко. Стиль "тигра" характеризуется низкими стойками, скользящими переходами и разрывающими ударами "лапой тигра". Для тренировки ударов специально укрепляются кончики пальцев. Журавль не обладает большой физической силой, его оружие клюв, а маховыми движениями крыльев он сбивает атаку противника. Стиль "журавля" отличается плавными уходами. Основательница этого стиля Фань Цинянь так сформулировала его основные принципы: "Пусть твои руки летают, как веера; убирай руку мягко, как вата; выбрасывай руку быстро, словно пускаешь стрелу". Для нанесения ударов используется "клюв журавля" – сложенные щепотью пальцы рук. "Клюв" использовался также для щипков.

При обучении звериным стилям особое внимание уделялось вживанию в образ животного. Например, осваивая стиль обезьяны, человек

вначале просто подражал её поведению, ужимкам. Освоив этот этап, ученик переходил к следующему. Он пытался, что называется "отойти от формы" ("лисин"). Отход предусматривал внутренне слияние с копируемым объектом. Итогом работы было духовное прозрение. Неофит, учающийся этому стилю, не просто двигался, как обезьяна, но и ощущал себя обезьяной. Только теперь начиналось обучение непосредственно кулачному искусству [5, с. 64]. Надо сказать, что понятие "стиль" в ушу не является монолитным. В рамках одного стиля существовало несколько его разновидностей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в основе звериных стилей ушу и воспитании охотника-воина лежат сходные по своей сути представления. Связь человека и тотемного животного прослеживается в воспитании воина у народов Сибири и Дальнего Востока. В Китае в основе так называемых "животных" стилей ушу лежат те же анимистические верования. Речь идёт о психологическом слиянии животного и человека. Человек как бы воплощается в звере. Что касается технической стороны, то она основана главным образом на копировании повадок животных.

Литература

1. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
2. Манздяк А. С. Воинские традиции народов Евразии. М.: АСТ 2002. 381 с.
3. Маслов А.А. Боевая добродетель: секреты боевых искусств Китая. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 222 с.
4. Маслов А.А. Танцующий феникс. Тайны внутренних школ ушу. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 321 с.
5. Самбу И.У. Тувинские народные игры. Кызыл, 1978. 137 с.
6. Фетисова Л.Е. Традиционный нивхский фольклор: жанровый состав и своеобразие. //Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 173-190.
7. Фролова А.Н. Этнопедагогика детства коренных народов Северо-Востока России. Магадан, 2001. 158 с.
8. Ушницкий В.В. Система воспитания воина в традициях северных и восточных народов. // Здоровый образ жизни: обычаи и традиции народов Якутии. Якутск, 2001. С. 21-35.
9. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Спб., 1903. Т.3. 143 с.